

В. Т. Нарезный. Невеста под замком.

НОВЫЕ ПОВЕСТИ

Воспроизводится по изданию:

В. Т. Нарезный. Избранное, - М. Сов, Россия, 1983.

OCR Pirat, доп. правка - Либ.ру: Классика, сентябрь 2005 г.

I

Комната ювелира Руперта, который, разлегшись на софе, курит табак. У окна сидит племянница его Разина и шьет в пальцах.

Руперт. Правду сказать, племянница, хотя тебе исполнилось уже двадцать лет, но ты все еще не довольно разумна. Как можно почтенное звание ювелира ставить на ряду с простым званием колбасника или трубочиста? Будь тебе известно, что более тридцати лет назад, как начал я каждый воскресный день, бывая в кирке, приносить господу богу благодарственные молитвы, за то, во-первых, что он сотворил меня немцем, во-вторых, что судил быть мне ювелиром, а не кем-нибудь другим, в-третьих, что соблаговолил даровать мне возможность рассуждать здраво о политике! Видишь ли, сколько во мне одном высоких преимуществ, а ты неразумная...

Разина. Оставьте меня при моем неразумии, и это мне будет очень приятно, ибо вы вместе с тем оставите смешное желание - иметь меня своею женою. Посудите сами - мне только двадцать лет!

Руперт. Тем лучше! и мне не менее пятидесяти. Посуди ж, какая милая пара! я тридцатью годами тебя старше, а потому в тридцать раз умнее. Что этого лучше?

Разина. Не может быть хуже! я - по вашим же словам, - выхожу глупее вас в тридцать раз. Что ж вам со мною делать?

Руперт. Это уж не твоя забота!

Разина. Вы очень бережливы, а я чрезмерно расточительна.

Руперт. Мой долг будет и тебя научать бережливости.

Разина. Я совсем не пойму вашего учения.

Руперт. Я немец, следовательно самое терпеливое животное. Как посидишь у меня день-другой на хлебе и на воде, так на третий с особенным вкусом покушаешь румфордского супу.

Разина. Но если вы такой заклятый немец, то для чего не жалуете вашего биргер-клуба?

Руперт. Терпеть не могу! там столько повес обоего пола, что совершенно нельзя заняться политическим разговором.

Есть, правда, и там изрядные политики, как то: каретник Ульрих, столяр Бертольд, шорник Фабиан и некоторые другие почтенные люди, но зато превеликая пропасть бухгалтеров с контор здешних купцов и погребщиков, так что размигнуться с ними нельзя. Они-то лютые мои злодеи! в политике сущие невежды, и ни о чем не говорят, кроме похабства, ничего не делают, кроме волокитств разного рода.

Сколько невест перебили у меня эти проклятые!

Разина. Позвольте спросить, дядюшка, как будет по вашей политике: если мне запрещается кого-нибудь любить, то позволяется ли в то же время другого не любить?

Руперт. Здравая политика отнюдь тому не противится.

Люби, кого хочешь, а повинуйся, кому должно.

Розина. Согласна! вы получили от отца моего при кончине наличными деньгами тридцать тысяч рублей моего приданого. В этом вы не отопретесь, ибо есть свидетели.

Возвратите мне мои деньги и женитесь, на ком угодно, а я за вас ни за что не пойду, потому что не люблю политиков.

Руперт. Разве я просил, чтоб ты меня любила? Довольно и того, что будешь моею женой и исполнять мою волю.

Любовь в женитьбе - дело постороннее.

Розина. А для меня весьма не постороннее. Чтобы вам сделать ответ однажды навсегда, скажу, что я давно уже влюблена, и не в вас, дражайший